

От редакции

С тех пор как вышел последний номер «Логоса», посвященный аналитической философии, прошло уже четыре года (см. Логос. 2005. № 2). И как, возможно, помнят его читатели, посвящен он был, главным образом, спорам о правильности понимания, перевода и употребления ряда центральных для аналитической философии терминов. Для прояснения вопроса о том, что означает, например, термин «proposition», чем он отличается от ряда связанных терминов и как должен переводиться на русский язык, писались целые статьи, содержащие многочисленные цитаты и ссылки на различные тексты западных мыслителей, а также на отечественную традицию переводов. Главным вопросом, стоящим перед отечественными аналитическими философами, был вопрос о том, как нам сделать наши переводы ясными. Такова была отечественная аналитическая философия четыре года назад.

Изменилась ли ситуация с тех пор? Мы считаем, что изменилась. Предлагаемый номер «Логоса» представляет работы ряда современных русскоязычных философов-аналитиков, посвященные исследованию конкретных философских проблем, разрабатываемых в рамках современной аналитической философии. Среди наших авторов, помимо российских философов, присутствуют и философы с Украины, поэтому, характеризуя данный номер «Логоса», правильнее говорить не о современной российской аналитической философии, а о русскоязычной аналитической философии.

Прежде чем перейти к более подробной характеристике данного номера и его структуре, скажем несколько слов о тех общих факторах, которые, на наш взгляд, конституируют аналитическую философию и которыми мы руководствовались при отборе статей.

Аналитическая философия: сложности определения

Такие философы и логики, как Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн и Р. Карнап, считающиеся сегодня родоначальниками аналитической философии, не использовали данный термин для обозначения собственной философской позиции. Так, например, Б. Рассел называл развивае-

мый им подход «философией логического анализа», а члены Венского кружка считали себя представителями логического эмпиризма. Считается, что термин «аналитическая философия» был введен в 1945 г. (спустя более чем полвека с момента появления «Записи в понятиях» Г. Фреге) Густавом Бергманом¹, который использовал его для обозначения всех философов, занимавшихся логическим анализом языка, и, в особенности, логических позитивистов. Более широко данный термин стал употребляться с 1958 г., когда в Руаймоне (Франция) была проведена англо-французская философская конференция, где «аналитическими» стали обозначаться не только сторонники логико-эпистемологического анализа, но и оксфордские представители философии обыденного языка².

С тех пор содержание термина «аналитический философ» стало связываться не столько с фиксированными техниками философского исследования, сколько с общим критическим вниманием к языку и, пожалуй, с наличием в работах того или иного мыслителя отсылки к идеям основоположников аналитической философии. Таким образом, класс аналитических философов расширялся параллельно развитию исследований в области философии языка и увеличению числа исследователей, а также по мере расширения сферы применения лингвистического анализа на новые области.

Так, аналитическими со временем стали считаться работы не только по логической семантике, но и по двум другим фундаментальным областям семиотики: прагматике и синтактике. Логико-семантические исследования имен, общих терминов, индексных терминов и конструируемых на их основе предложений были дополнены теорией речевых актов (к коим относились и письменные акты). Эта теория, в свою очередь, была развита в теорию коммуникации, учитывающую коммуникативный контекст, задаваемый более общими социокультурными факторами. Влияние синтаксиса на формирование значения языковых выражений также стало неотъемлемой частью аналитических исследований.

С самого зарождения аналитической философии методы анализа, вырабатывавшиеся в рамках философии языка, применялись для разработки ключевых вопросов онтологии, эпистемологии и этики³. Во второй половине XX в. исследовательские методы аналитической философии стали применяться практически во всех сферах, интересовавших философию. На сегодняшний день то, что называется «аналитической философией», представляет собой, видимо, самое масштабное и наиболее развитое философское движение.

Такая масштабность далась ценой размывания содержания самого этого понятия, а также ценой размножения критериев, по которым аналити-

¹ *Bergman G. A Positivist Metaphysics of Consciousness // Mind new series 54, 1945. P.193–226.*

² *La Philosophie analytique // Cahiers de Royaumont. Philosophie IV. – Paris, 1962.*

³ Например, критика Б. Расселом прагматистской и когерентистской теории истины и этическая концепция Дж. Э. Мура.

ческих философов можно отличить от представителей всех других философских школ и направлений. В этом смысле могут возникать характерные сложности. Так, например, если определять метод аналитической философии через разработку языковой проблематики с опорой на идеи Г. Фреге или Б. Рассела, то такой философ, как Х. Патнэм на любом этапе своего философского развития будет считаться аналитическим по сравнению, скажем, с М. Хайдеггером. Однако согласно другому критерию, содержащему, например, указание на критическое отношение к прагматистской теории истины (которое в свое время стимулировало философское развитие Б. Рассела), тот же самый Х. Патнэм, признавший себя на одном из этапов своего философского развития сторонником указанной теории истины, может быть признан и неаналитическим философом.

Таким образом, если сформулированы те и или иные критерии определения аналитической философии, для каждой отдельной ситуации вопрос о том, может ли тот или иной философ быть признан аналитическим, является разрешаемым. С вопросом же о природе аналитической философии в целом дело обстоит сложнее.

Проблема нахождения единого определения аналитической философии заключается в том, что предлагаемые критерии оказываются либо слишком широкими (и тогда под определение философов-аналитиков попадают даже такие мыслители, которые, казалось бы, никогда не могли считаться таковыми), либо слишком узкими и приводящими к тому, что ряд, казалось бы, признанных аналитиков под него не попадают.

Примером широкого определения будет определение, предложенное А.Л. Никифоровым⁴, согласно которому аналитическая философия — это стиль философствования, наиболее важной чертой которого является стремление к доказательности и обоснованности высказываемых утверждений, опора на теорию доказательства, разработанную современной логикой, и особое внимание к обоснованию или опровержению тех или иных положений. В результате такого определения А.Л. Никифоров вынужден признать в качестве европейских предшественников аналитической философии, в частности Декарта и Бэкона, Юма и Канта, а в качестве, например, советских аналитических философов таких мыслителей, как Б.М. Кедров, И.С. Нарский, В.С. Швырев и др. Однако такой критерий может считаться удовлетворительным, пожалуй, лишь для ограниченного ряда случаев.

Что касается примера узкого критерия определения аналитической философии, то таковой был дан М. Даммитом⁵ и заключался в определении аналитической философии как философского направления, в котором приоритетным исследовательским методом являлся именно языко-

⁴ *Никифоров А.Л.* Аналитическая философия // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М., 2009. (На момент написания этой статьи энциклопедия готовится к публикации.)

⁵ *Dummett M.* The Origins of Analytical Philosophy. — London, 1993.

вой анализ. По признанию самого Даммита, особенностью данного определения, а с нашей точки зрения, и его известным недостатком, является то, что такие значимые философы, как, например, Г. Эванс и все те, кто не рассматривал анализ языка в качестве достаточного инструмента философского исследования, не попадали в класс аналитических.

Иной подход к определению аналитической философии может быть условно обозначен как «историко-генетический». Данный способ определения аналитической философии весьма популярен и заключается в историко-философском анализе концепций, которые, по широкому признанию, считаются аналитическими или повлиявшими на аналитическую философию. В рамках такого анализа устанавливаются специфические особенности этих концепций и выделяются те из них, которые свойственны именно аналитической философии. Показательный пример такого подхода был представлен в работах Я. Шрамко⁶.

Недостаток этого подхода состоит в том, что аналитическая философия предстает как пестрое лоскутное одеяло, сшитое из разных кусков, иногда имеющих между собой мало общего. Так, если взять особенности философского подхода Ф. Brentano, Б. Рассела и Дж. Остина, то среди них при желании можно будет найти столько же различий, сколько и сходств. Более того, историко-генетический метод определения аналитической философии приводит к тому, что перечисляемые характеристики аналитической философии оказываются присущи одному важному ее представителю, но отсутствуют у другого, который, казалось бы, тоже не менее важен.

Встает вопрос о том, не является ли задача определения аналитической философии псевдопроблемой? Видимо, в известном смысле это так и есть, ибо вряд ли можно будет когда-нибудь найти четкий критерий ее определения, который будет принят всеми исследователями. Но дело не в том, что этот термин является пустым, а, скорее, в том, что ни у кого нет монополии на его использование. Кроме того, уже при своем историческом появлении на свет словосочетание «аналитический философ» использовалось для обозначения исследователей, концепции которых были довольно мало похожи друг на друга.

Русскоязычная аналитическая философия

Если следовать весьма широкому определению А. Л. Никифорова, то аналитическая философия всегда была в России и СССР, а также продолжает существовать и на постсоветском пространстве. Если сузить данное определение и посмотреть на то, были ли в России или СССР философы, исследовавшие философские проблемы при помощи

⁶ Шрамко Я. В. Очерк истории возникновения и развития аналитической философии // Логос. 2005. № 2 (47). С. 4–12; Шрамко Я. В. Что такое аналитическая философия? // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. XI. № 1. С. 87–110.

исключительно логического анализа языка, как, например, это делали Рассел, Карнап и ранний Витгенштейн, или при помощи лингвистического анализа, подобно Остину, Стросону и др., то положительно ответить на этот вопрос будет уже сложнее.

Так или иначе, в советские времена выходили философские книги с характерными аналитическими названиями: А. И. Уемов, «Вещи, свойства и отношения», В. С. Швырев, «Теоретическое и эмпирическое в научном познании», В. В. Петров «Проблема указания в языке науки», Р. И. Павиленис «Проблема смысла», А. Л. Блинов «Семантика и теория игр» и др. Были работы логиков, рассматривавших те же проблемы, что и их коллеги на западе, работы философов и методологов науки. Переводы статей известных западных аналитических философов публиковались и обсуждались на страницах таких журналов, как «Вопросы философии», «Новое в зарубежной лингвистике», а также в сборниках статей по логике и логической семантике.

Аналитическая философия в СССР является темой, достойной отдельного глубокого исследования. Однако какой бы она на самом деле ни была, вряд ли можно будет отрицать, что ее характерной особенностью было то, что она не была представлена в виде самостоятельных философских течений. Свойственные аналитической философии подходы встречались в работах логиков, философов науки, лингвистов.

В том, что касается аналитической философии, то 1990-е годы не ознаменовались ее бумом на постсоветском пространстве, а прошли преимущественно под знаменем перевода классических текстов по аналитической философии и появлением ряда значимых историко-философских исследований. Появившиеся в это время редкие аналитические исследования молодых авторов не получили признания и даже критики. Не в последнюю очередь причиной тому было отсутствие достаточно компетентной аудитории, не просто знакомой с проблематикой аналитической философии, но и занимающейся ее разработкой.

С началом нового века историко-философские монографии и переводы стали дополняться учебниками по аналитической философии и англо-американской философии. Однако их структура сохраняет ориентацию на историко-философский материал⁷. Оставляя в стороне вопрос о том, можно ли написать квалифицированный учебник по аналитической философии, полностью отказавшись от историко-философской ориентации, отметим здесь лишь то, что появление этих работ, самостоятельно написанных русскоязычными исследователями, хотя и существенно отличалось от доминирующего ранее переводческого подхода, тем не менее не породило плодотворных дискуссий в области аналитической философии. Реальные дискуссии, как было сказа-

⁷ См.: Аналитическая философия. Учебное пособие для вузов / Под ред. М. В. Лебедева, А. З. Черняка. — М., 2004; Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. — М., 2006; Николенко С. В. Аналитическая философия: основные концепции. — СПб., 2007.

но выше, были связаны с вопросами о том, как правильнее переводить и понимать те или иные термины, используемые классиками аналитической философии и современными западными философами. Эти дискуссии, по своей сути, сохранили историко-философский характер: авторы в поддержку своей позиции либо указывали на традицию употребления того или иного термина в работах зарубежных мыслителей, либо апеллировали к отечественной переводческой традиции для соответствующих текстов. К таковым относились дискуссии о переводе терминов «proposition», «belief» или «mind».

Замысел данного номера «Логоса»

Пожалуй, самая большая польза, которая была извлечена из всех этих «соревнований» по историко-философской или логической компетенции, а также по тому, как лучше или правильнее переводить англоязычную литературу, заключалась в признании бесплодности и бесперспективности этих «соревнований». Историко-философские исследования по аналитической философии — это не аналитическая философия. Апелляция же к авторитетам и демонстрация точного воспроизведения содержания концепций тех или иных западных философов в известной степени способна обосновать аргумент историка философии или историка идей, но не аргумент философа. Развитие же как таковой философии подразумевает проведение именно философских, а не историко-философских исследований, формулировку философских аргументов, их обоснование и обсуждение в дискуссиях с оппонентами.

Таким образом, основной целью при составлении настоящего номера «Логоса» была подготовка русскоязычными философами-аналитиками самостоятельных исследований и отказ от статей историко-философского характера. Насколько это удалось каждому индивидуальному автору, судить читателям и его потенциальным критикам. Разумеется, исследование проблем, обсуждаемых в рамках аналитической философии, невозможно без упоминания философов, сформулировавших эти проблемы или существенным образом способствовавших прогрессу в их исследовании, и без привлечения в том или ином виде содержания их концепций. В известной степени это необходимо для введения читателя в контекст исследуемой проблемы. Однако главный акцент предлагаемых статей сделан на конкретном тезисе автора по исследуемой проблеме и его обосновании. Тем самым предполагается спровергнуть возможные опровержения, дополнения или альтернативные взгляды, а не просто познакомить читателя с обсуждаемыми проблемами и предложенными на сегодняшний день подходами к их решению. Цель этого номера не столько рассказать нашим читателям о том, какова сегодняшняя аналитическая философия на постсоветском пространстве, сколько *показать* ее на примере работ отдельных авторов.

Структура и содержание номера

Собранные здесь тексты разбиты на тематические разделы: онтология и теория познания, логическая семантика и философия, аналитические исследования. В этих трех разделах мы попытались, насколько это было возможно, отразить те основные направления, в которых развивалась и развивается аналитическая философия.

Так, первый раздел начинается со статей по онтологической проблематике. В. Ладов защищает реалистскую позицию, выявляя самопротиворечивость тезиса релятивизма, и предлагает проект формального реализма как методологическое требование допущения существования объективной реальности. Л. Макеева исследует существующие в современной философии аргументы против реализма, в частности известный тезис У. Куайна о недоопределенности научных теорий эмпирическими данными, и приходит к заключению о том, что ни один из них не достаточен для опровержения реализма.

Статья Е. Ледникова контрастирует по духу с первыми двумя текстами: она посвящена критике эссенциализма в метафизике. Развивая центральные идеи теории языковых каркасов Р. Карнапа, автор предлагает анализировать все контексты существования в терминах так называемых «эпистемических модальностей» и показывает, насколько предлагаемый им метод анализа оказывается плодотворным для решения актуальных проблем философии науки.

Заключительные статьи первого раздела посвящены исследованиям в области эпистемологии, точнее, в области теории знания. В своей статье Г. Ольховиков предлагает разработанный им метод по защите классической концепции знания от широко известных контрпримеров, предложенных некогда Э. Геттиером. Е. Вострикова, исследуя природу распространенного в современной эпистемологии экстерналистского подхода к экспликации знания, утверждает, что данный подход является перенесением экстерналистского анализа значения и ментального содержания в область теории знания, однако, как демонстрирует автор, обоснованность такого перенесения оказывается сомнительной.

Во втором разделе представлены статьи по философским проблемам семантики. В статье П. Куслия предлагается анализ имен как единичных терминов, способных указывать на объект либо непосредственным образом, никак его не описывая, либо как на референт некоторого описания, сокращением которого и является само имя. А. Никифоров, исследуя природу контрфактических высказываний, предлагает их типологию, а также указывает на ряд методологических сложностей, связанных с их исчерпывающим анализом. Я. Шрамко, развивая идеи Г. Фреге, выдвигает аргумент о том, что истинностные значения должны пониматься как абстрактные объекты, обладающие собственным онтологическим статусом и являющиеся предметом изучения науки логики.

Третий раздел представляет собой статьи по ряду других ключевых направлений в аналитической философии: философии сознания, теории речевых актов и коммуникации, моральной и социально-политической философии. Д. Иванов в своей работе рассматривает аргументы, способные опровергнуть физикализм в области философии сознания и приходит к выводу о том, что непреодолимым препятствием для физикализма оказывается только объяснение перспективы первого лица. В. Кузнецов критикует теорию Дж. Остина за недостаточность проведенного в ней анализа перформативных речевых актов и предлагает их более обширную типологию, демонстрируя одновременно, что ключом к пониманию природы коммуникации оказываются именно перформативные конструкции. А. Черняк анализирует понятие удачи в современной моральной философии и выдвигает аргумент о том, что удача должна рассматриваться как одно из необходимых условий для морального становления субъекта. Наконец, Н. Кудрявцева исследует причины, по которым формулировка рациональных оснований понятия социальной справедливости представляется проблематичной задачей, и приводит доводы в поддержку тезиса о том, что отыскание таковых не является бесперспективным предприятием.

Петр Куслий